

«Наша кровь у Сморгони»

(Записки о забытой войне)

Владимир Лигута

Солдатам и офицерам Российской армии - русским и белорусам, павшим на полях сражений Первой мировой войны - посвящается.

Та далекая Первая мировая...

В историю войн вошли города и населенные пункты, у которых разворачивались наиболее ожесточенные бои и сражения...

Французский Верден и бельгийский Ипр известны всему миру. На белорусской земле, в 120 км западнее Минска, есть свой символ воинской доблести и славы Первой мировой войны - небольшой город Сморгонь.

О «героях Сморгони» в те далекие годы писали газеты и журналы, многие военачальники и общественные деятели бывали на этом участке фронта, известные в последствии люди воевали здесь в разные годы, оставили свои воспоминания в мемуарной и художественной литературе.

Каждый из них по-своему видел и оценивал те события, но в одном они были едины - они любили свою Родину и готовы были отдать за нее жизнь.

Первая мировая... Жестокая и кровавая, она стала «забытой» войной.

В августе 1914 года в Российской империи была проведена мобилизация. С 1906 года в результате военной реформы служба в русской армии стала составлять 18 лет. Из них 3 года - действительная срочная служба, 7 лет - запас 1-го разряда, 8 лет - запас 2-го разряда. Всё мужское население, годное к строевой службе, но не служившее, составляло на случай войны государственное ополчение. Призыв проводился строго по территориальному принципу и все военно-обязанное мужское население белорусских губерний в возрасте до 43 лет в течение трех дней пополнило ряды русской армии. Более 300 воинских эшелонов ежедневно возили пополнение на запад, к фронту.

На территории Минского военного округа запасные и резервные части разместились в Брест-Литовской, Гродненской и Бобруйской крепостях, в гарнизонных казармах Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, Полоцка, Барановичей, Рогачева, Лиды и других городов.

Тысячи белорусов - солдат и офицеров - попали служить в пехотные и кавалерийские полки, в бригады полевой и осадной артиллерии, в рабочие инженерные дружины, железнодорожные батальоны и военно-дорожные отряды. Многие осваивали до того незнакомую технику в воздухоплавательных и авиационных частях, в броневых дивизионах, автомобильных, мотоциклетных и самокатных (велосипедных) ротах.

В состав сформированного государственного ополчения вошли три Виленские, восемь Витебских, двенадцать Могилевских и двадцать Минских ополченских дружин.

Призывники-специалисты, которые были нужны на оборонных заводах, получили освобождение (бронь) от военной службы и были направлены в промышленные центры страны - Петроград, Москву, Донбасс, Поволжье.

С лета 1915 года военные действия развернулись и на белорусской земле.

Какими бы ни были намерения у России в Европе, ход войны тогда определяла Германия. Ее армия рвалась на Восток.

Свенцянский прорыв. Направление - Сморгонь - Молодечно

Русские войска отступали, сдерживая натиск австрийских и германских дивизий.

В начале сентября 1915 года фронт установился от Балтики - западнее Вильно (Вильнюса) - восточнее Гродно и далее на юг, до Карпат (Брест-Литовск русские войска оставили 25 августа, Гродно - 2 сентября).

Но немцам не удалось уничтожить русские армии. Они отходили сохраняя и удерживая фронт. Северный - командующий - генерал от инфантерии Н. Рузский - защищал направление на Петроград, Западный - генерала от инфантерии А. Эверта - прикрывал Минск - Москву.

Перегруппировав войска, германское командование начало новую наступательную операцию.

Планировалось нанести удар в Литве и осуществить глубокий прорыв на Минск, а навстречу двинуть группировку от Бреста. Тем самым осуществить идею «клещей», в

которые попадут и будут разбиты русские войска. Участок для прорыва был выбран севернее Вильно, между Северным и Западным русскими фронтами.

Наиболее подходящим и выгодным для наступательных действий немцев являлось направление на Сморгонь - Молодечно по водоразделам рек Виляя и Зап. Березина.

На 30-километровом участке прорыва немцев соотношение сил было на их стороне - шесть пехотных и четыре кавалерийские дивизии против четырех кавалерийских дивизий и семи пехотных батальонов русских войск прикрытия расходящихся фронтов.

С утра 9 сентября началось продвижение немцев. Слабая русская кавалерийская разведка не обнаружила значительных немецких сил, а доклады летчиков 34-го корпусного авиаотряда, обнаруживших противника, не были приняты во внимание.

Поэтому первоначальный успех немецкого удара был полным. Уступая их численному превосходству, русские кавалерийские отряды начали отходить на восток и юго-восток.

1-я Кубанская казачья дивизия, 1-я бригада 2-й Кубанской казачьей дивизии и семь рот пехоты под командованием генерала М. Тюлина храбро сражались, но не выдержали удара шести пехотных и четырех кавалерийских дивизий немцев. Часть этих германских сил наносила удар с фронта, другая - обходила русских с обоих флангов. Отряд был рассеян на отдельные группы, управлением им было потеряно.

К утру 10 сентября между фронтами русских войск образовался разрыв в 50 км, который даже не наблюдался.

Германское командование, зная об этом, 11 сентября вечером передало своей коннице, вошедшей в прорыв (6-й кавалерийский корпус генерала О. Гарнье), приказ по радио остановиться и с утра 12-го повернуть на юг, в направлении Свенцяны (Швенчёнис) - Сморгонь - Молодечно, в тыл X-й русской армии.

Немецкий кавалерийский корпус представлял собой грозную силу: 1-я, 3-я, 4-я и 9-я кавалерийские дивизии с артиллерией, двойным количеством пулеметов, усиленные каждая батальоном егерей, передвигавшихся на конных повозках, и ротой самокатчиков на велосипедах. Связь с командованием и дивизиями осуществлялась посредством телеграфа, телефона, а также одной тяжелой и двух легких радиостанций.

На Свенцянском направлении, куда вышли немцы, русские войска имели лишь один этапный батальон Гвардейского корпуса, сотню забайкальских казаков и несколько взводов ополченских частей.

Эти силы были объединены в отряд под командованием полковника П.Назимова, командира Запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка. Отряд насчитывал 80 казаков, 300 пехотинцев этапного батальона, 200 солдат 367-ой, взвод 390-ой и три взвода 382-ой Минских дружин, вооруженных карабинами и берданками и имевших по 60 патронов. Они бесстрашно вступили в бой и сдерживали врага до 17 часов 12 сентября, после чего отряд оставил Свенцяны и отошел на восток под прикрытием казаков в полном порядке, несмотря на огонь немцев.

С захватом Свенцяны германская кавалерия получила свободный путь для наступления на Сморгонь - Молодечно.

Здесь, в прикрытом Зап. Березиной и Вилией районе, удобном для обороны, немцы планировали дождаться свою пехоту, чтобы совместными действиями окружить русские войска.

Обеспечивая прорыв, германские армии усилили атаки по всему фронту - на Лиду, Новогрудок, Барановичи.

С «отчаянной решимостью», «волей» и «упорством», отмеченными в немецких мемуарах, русские сдерживали врага.

В составе 26-го армейского корпуса с боями отступала на Сморгонь 64-я пехотная дивизия.

В начале октября 1915-го 26-й корпус займет сморгонские позиции и будет до августа 1916-го мужественно и стойко оборонять город.

У Воронова 256-й пехотный Елисаветградский полк, который прикрывал отход корпуса, вступил в бой с Баварской добровольческой дивизией, сформированной из студентов.

Немцы шли в атаку смело, почти без маскировки, с песней, бравирюя под огнем, поддерживаемые сильным огнем своей артиллерии.

Появившуюся германскую кавалерию подняли на пики казаки 8-го Отдельного Донского полка.

До ночи шел бой, а с утра опять с остервенением пошли вперед немецкие добровольцы.

Во второй половине дня немцы устроили сущий ад и выбили полк с позиций. Потери были огромны, но у врага их было еще больше - немцы наступали, шли напролом под оружейным и пулеметным огнем. Наконец, подошел из резерва корпуса батальон 254-го пехотного Николаевского полка (в 1916-м почти весь Николаевский полк погибнет в Сморгони, отражая

немецкую газовую атаку), и елисаветградцы с николаевцами перешли в контратаку и восстановили положение.

На другой день похоронили 350 павших бойцов, а больше тысячи увезли санитарные повозки.

Проявляя мученическую стойкость, русские войска в порядке отходили по всему фронту, но их положение становилось серьезным.

Первые бои за Сморгонь

В этой обстановке Штаб Верховного Главнокомандующего создал новую, II-ю армию, из пяти пехотных корпусов (26-й, 27-й, 29-й, 36-й и 4-й Сибирский армейские корпуса) и кавалерийского корпуса генерала В. Орановского - 20 тысяч сабель при 67 орудиях и 56 пулеметах - прообраз конных армий последующей истории. В составе 4-й кавалерийской дивизии сражался в те дни 20-летний пулемётчик Семён Тимошенко - будущий Маршал Советского Союза.

Пехотные и кавалерийские части двигались к линии железной дороги Молодечно - Сморгонь - Вильно, навстречу врагу.

Пехота шла суточными переходами по тридцать километров, кавалерия - по шестьдесят-семьдесят.

Впереди 100-120 км пути порой по бездорожью лесов и болот.

Тем временем германская кавалерия 13 сентября продвигалась вперед в тылу русских войск, и, не встречая сопротивления, ее главные силы на следующей день подошли к озерам Нарочь и Свирь. Все деревни к югу были заняты немцами.

1-я и 4-я немецкие кавалерийские дивизии устремились к переправам через Вилию у Жодишек и Сморгони, к железной дороге Вильно-Минск. По дорогам двигались кавалерия, егеря, конная артиллерия, штабы и обозы - до Сморгони - 15 км. Немецкие летчики с воздуха увидели западнее и в самом городе большие биваки русских обозов, двигавшихся от Вильно на Молодечно. Переправившись через р. Вилию, высланные вперед германские конные разъезды обстреляли из орудий станцию Сола, в 10 км западнее Сморгони.

С этого момента полностью прекратилась подача боеприпасов по железной дороге на Вильно, где удерживали фронт двадцать три русские дивизии.

Немцы уже думали о котле для русских войск, стремясь сохранить и развить успех, так удачно достигнутый их кавалерией. Они спешно сняли действовавший против Вильно пехотный корпус и направили его на Сморгонь.

С правого берега р. Вилии, у Михалишек, пыталась наступать 2-я и 58-я немецкие пехотные дивизии. Но подошедшие маршем от Воронова передовые 8-я и 14-я кавалерийские дивизии корпуса генерала В.Орановского уже заняли фронт вдоль реки.

Из перехваченных радиogramм немцы знали о том, что II-я русская армия подходит в район Сморгонь - Молодечно, и торопились. Они беспрерывно атаковали, пытаясь осуществить переправу и ударить в тыл русским войскам, сражавшимся у Вильно.

Весь день шел бой, ураганный огонь вела германская артиллерия, в том числе и тяжелая. Только к вечеру немцы с большими потерями форсировали р.Вилию. Русские кавалерийские дивизии отошли, сохраняя общий фронт.

15 сентября, с утра, немецкий кавалерийский полк 4-й кав. дивизии при поддержке артиллерии и пулеметов атаковал Сморгонь - небольшой 16-ти тысячный город в 90 километрах восточнее Вильно. Из короткой телеграммы известно, что русские маршевые роты пополнения, которые в этот момент оказались в городе, восемь часов держали оборону.

Понеся потери и израсходовав патроны, они отошли на Крево, навстречу подходящим войскам II-й армии.

Население спешно, за три часа, покинуло город.

День 15 сентября стал для немцев решающим. Пытаясь помешать передвижению русских войск, немецкие дирижабли и самолеты бомбили воинские колонны на дорогах в районе Минска и Молодечно.

Германская кавалерия нанесла еще несколько серьезных ударов - у Жупран в конном строю она атаковала русскую пехоту и захватила в плен четырех офицеров и 300 солдат, немецкие разъезды появились у Борун, Крева и Лебедева.

Драматические события развернулись в Солах. Передовой батальон 40-го пехотного Колыванского полка выбил оттуда немецкие разъезды и организовал оборону.

Его контратаковали германская кавалерия и егеря. До вечера шел бой, в котором погиб командир батальона, пять офицеров и много солдат. От батальона осталось 180 бойцов.

Немцы устремились к р. Ошмянке для поддержания своих передовых частей, занявших восточный берег.

Подойдя к реке и установив, что русская пехота не имеет патронов и дерется только штыками, германские кавалеристы решили атаковать в конном строю, для чего построились в сомкнутый боевой порядок.

Оставшаяся без патронов русская пехота ожидала трагического конца. Но едва немцы изготовились к атаке, как неожиданно и для немцев, и для русских по германской кавалерии с дистанции ружейного выстрела был открыт губительный огонь четырьмя легкими орудиями. Германская конница бросилась врассыпную, отказавшись от удара.

Столь неожиданному повороту событий русские были обязаны артиллерийскому взводу особого назначения - четырехорудийной батарее, имевшей 300 снарядов, предназначенной для отправки во Францию и состоявшей из отборных бойцов и офицеров.

Командир батареи, обнаружив немцев, с ходу развернул свои орудия и решил исход боя в пользу русских.

16 сентября десять германских пехотных дивизий, семь из которых находились на северном берегу р. Вилии, на двадцатикилометровом участке фронта начали атаку с целью соединиться со своей кавалерией у Сморгони и замкнуть кольцо окружения русских войск.

Но немецкое наступление захлебнулось. Только ценой больших потерь «в первую очередь, наиболее проверенных войной командиров и рядовых» немецкой пехоте удалось пробиться к Гервьятам.

Мечта немцев - сомкнуть свои клещи за спиной русской армии - уходила за горизонт, как мираж.

Совершив 100-километровый марш к Солам подошел 36-й армейский корпус, а к Залесью после 120-километрового перехода - 4-й Сибирский. Нередко пехота после 30 км суточных переходов сразу вступала в бой.

Соотношение сил резко изменилось в пользу русских войск и дало им возможность взять инициативу в свои руки.

В частях кавалерийского корпуса В.Орановского была зачитана телеграмма командующего фронтом: «Благодарю полки конного корпуса за молодецкие бои 15 сентября и жалую по две георгиевские медали на каждый эскадрон и батарею».

Спешенная германская кавалерия заняла позиции на окраине Сморгони и предместное укрепление на р. Вилии в ожидании своей пехоты. До нее всего 15 км. Но атаки немцев разбивались об упорную оборону русских. 3-й Сибирский и Гвардейский корпуса X-й армии почти без патронов сдерживали немецкие пехотные дивизии. Они так и не подошли на помощь своей кавалерии.

36-й армейский корпус занял Солы, потеснил 4-ю кавалерийскую дивизию немцев и серьезно потрепал ее 17-й и 18-й драгунские полки, при этом 68-я пехотная дивизия подошла к городу на 150-500 шагов.

20 сентября около 15 часов совместной штыковой атакой 10-й Сибирской, 68-й и 25-й дивизий II-й армии Сморгонь была освобождена. В бою отличился 2-й батальон подпоручика В.Первушина из 269-го пехотного Новоржевского полка, 2-я, 3-я, 4-я, 9-я, 11-я и 15-я роты 272-го пехотного Гдовского полка штабс-капитана П.Родионова, поручика А.Степанова, подпоручика М.Рамуля, прапорщиков А.Попова, И.Научигина и С.Яковлева, 1-й и 3-й батальоны 33-го Сибирского стрелкового полка полковника А.Эссена и подполковника К.Войдылло. Офицеры, «герои Сморгони» за «личное мужество и беззаветную храбрость» были удостоены Георгиевских наград (Золотого Георгиевского оружия или ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени).

Штабс-капитан Порфирий Родионов «первым ворвался в м. Сморгонь и продолжая теснить противника достиг его батареи, стоящей на позиции у р.Вилии; бросившись с криком «ура» в атаку на батарею противника был наповал убит, смертью героя запечатлев содеянный им блестящий воинский подвиг». Был «убит наповал в самом местечке Сморгонь» и прапорщик Иван Научигин.

Девятнадцать «нижних чинов» 33-го и 36-го Сибирских стрелковых полков за личные подвиги, совершенные в атаке на Сморгонь, были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями.

2-й конно-егерский батальон немцев был почти полностью уничтожен. В плен было захвачено 100 егерей, 8 офицеров и 9 пулеметов. Уже вечером, в бою у р. Вилии 10-я Сибирская дивизия взяла 350 пленных и 3 пулемета. Немецкая кавалерия отошла на север, за реку.

Приказ «Стоять насмерть» и «Ни шагу назад»

Войска X-й русской армии генерала от инфантерии Е. Радкевича, оставив 18 сентября Вильно, отходили на восток, все время вынужденные медленно подаваться назад под натиском немцев.

Отходили спокойно, но в полках не доставало патронов и снарядов.

Снабжение по железной дороге было восстановлено 20 сентября только до ст. Олехновичи. Здесь же скопились массы населения, беженцы запрудили своим скромным скарбом все дороги.

Генерал В. Гурко, адъютант Ставки, писал: «Люди, воевавшие в нескольких войнах и участвовавшие во многих кровавых битвах, говорили мне, что никакой ужас битвы не может сравниться с ужасным зрелищем бесконечного исхода населения, не знающего ни цели своего движения, ни места, где они могут отдохнуть, найти еду и жилище. Только бог знает, какие страдания претерпели они, сколько слез пролили, сколько человеческих жизней принесено ненасытному Молоху войны».

К вечеру 20 сентября, преследуя отходящие дивизии Гвардейского корпуса, немцы с запада подошли к Солам и окопались.

В 6 часов утра 21 сентября их атаковал 2-й батальон лейб-гвардии* Кексгольмского полка. Патронов не было. Гвардейцы дрались штыками и выбили немцев последовательно из четырех рядов окопов. Взяли пленных - 6 человек. В атаке батальон потерял 170 бойцов убитыми и ранеными.

В ночь с 22 на 23 сентября русские войска начали отход на рубеж Сморгонь - Крево, а 24-го утром полки Гвардейского корпуса вошли в город.

Несколько мощеных улиц, яблоневые сады, зеленые палисадники. В центре - площадь, церкви, каменные дома, на восточной окраине издали виден новый костел.

Согнувшись под тяжестью ранцевых мешков, шли пехотинцы, их обгоняла гвардейская кавалерия - гусары, драгуны, уланы, казаки...

Слышна была солдатская песня:

«Пишет, пишет царь немецкий,

пишет русскому царю:

«Разобью я всю Россию,

Сам в Россию жить пойду»

и дальше:

«Не журишь ты, матушка Россия,

Мы, солдаты русские, никому тебя не отдадим.

Падем мы смертью храбрых, но тебя,

Земля родная, от врага мы защитим»

Немногочисленные оставшиеся жители выглядывали из окон, крестились: «Господи Иисусе, сколько же их много и куда они идут?»

А колонны все пребывали и прибывали - тут лейб-гвардии Кексгольмский, Волынский, Литовский, Петроградский полки, разнокалиберная артиллерия, обозы, лазареты - вся 3-я гвардейская пехотная дивизия генерал-лейтенанта В. Чернавина - лучшее соединение русской Гвардии.

В гвардейских ротах ещё остались кадровые солдаты довоенного призыва. Высокие, рослые, широкоплечие. Есть и белорусы, они за честь считали службу в Гвардии.

Окопы отрыли западнее города от р. Вилии до железной дороги. У железнодорожной станции окопались лейб-гвардии Преображенский и Измайловский полки 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Гвардейские саперы по одному взводу были приданы каждому полку. Разведка и наблюдение в районе Сморгони были возложены на две сотни казаков лейб-гвардии казачьей бригады. Дивизии получили боеприпасы и по одному маршевому батальону пополнения.

Гвардейская артиллерийская бригада - шесть легких батарей - и Гвардейский тяжелый восьмиорудийный дивизион заняли позиции у деревень Клиденяты и Белая в 3-5 км восточнее города.

Севернее, за р. Вилией, 25-я и 68-я пехотные дивизии II-й армии вели упорные бои у Гориденят. Здесь подошедшая немецкая пехота закрепилась на высотах, где во многих местах уже появились укрепленные проволочными заграждениями позиции.

Южнее, до Крево, заняли оборону 3-й Сибирский, 5-й Кавказский и 26-й армейский корпуса.

Некоторые дивизии этих корпусов насчитывали по 3-3,5 тысячи бойцов, в полках было только по одному батальону.

Ночь у Сморгони прошла тревожно. Начинало светать, когда разведка за рекой столкнулась с немцами. В воздух взвились красные ракеты. «К оружию! Занять позиции!»

Утро началось с артиллерийской канонады. Германские снаряды рвались у берега р. Вилии, на улицах города, у станции.

Немецкая тактика была проста - имея преимущество в артиллерии и боеприпасах, «сделать русские окопы русскими могилами».

Под грохот артиллерийского огня в атаку пошла германская пехота - 31-я дивизия генерал-лейтенанта Берера, укомплектованная жителями Саара и Лотарингии, одна из лучших в немецкой армии. Закалённые в боях, упорные и выносливые, пехотинцы именно этой дивизии в начале февраля 1915 года, в ходе Августовской операции у Гродно, двигались по покрытому чуть ли не метровым слоем снега литовскому шоссе Мариамполь-Кальвария со скоростью 62 километра в сутки.

Разрывы снарядов, тархтенье пулеметов, ружейная стрельба, крики, стоны раненых - все слилось в один сплошной гул.

Город горел. Местные жители метались, пытаясь найти укрытие, у кого-то одна-две козы на веревках, торба, привязанная за плечами, рядом малые дети...

Гвардейцы ружейными залпами и пулеметным огнем встретили немцев. В контратаку поднялся лейб-гвардии Кексгольмский полк генерала А. Кузнецова. Началась штыковая свалка. Немцы отошли назад, в свои окопы. За лесом, у мельницы, были слышны разрывы гранат и крики «Ура!»

Это солдаты лейб-гвардии Литовского полка отбивались от врага. Немцы косили их ряды из пулеметов, артиллерия била шрапнелью. Немецкое «хох» и русское «ура» сливалось в рукопашной. Бой все больше и больше разгорался, нарастало ожесточение в рядах сражавшихся.

Гвардейцы стояли насмерть.

Русская артиллерия сожгла мост через р. Вилию. Немцы начали переправляться через реку на плотках и резиновых лодках. На берегу их встретили волынцы полковника Б. Тишевского - топили в реке, кололи штыками. Немцы поднимали руки: «Рус, моя плен, киндер цвай, драй!» Пощады не было. Крики и стоны своих раненых взывали к мести.

Местные жители, как могли, помогали раненым - приносили воду, уводили на перевязочные пункты.

Немцы усилили натиск, настойчиво демонстрировали «железный дух атаки». Их резервная бригада атаковала вдоль р. Вилии, пытаясь окружить город с севера.

На помощь из резерва корпуса подошел лейб-гвардии Гренадерский полк 2-й гвардейской пехотной дивизии и остановил немцев (его боевое Знамя сохранилось, и в 2003 году было передано из Великобритании в Эрмитаж Санкт-Петербурга).

Южнее, у железнодорожной станции, 2-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка лично повел в атаку его командир, подполковник А. Кутепов - впоследствии известный генерал «Белого движения». Преображенцы шли как на учении -- в батальонной колонне, с разомкнутыми рядами, в ногу, с офицерами на местах, перепрыгивая через окопы и опять попадая в ногу. Под шрапнельным артиллерийским огнем люди валились десятками, но остальные смыкались и держали равнение и ногу. Впереди батальона, на уставной дистанции, шел небольшого роста, с темной бородкой подполковник. Время от времени он на ходу поворачивался и подсчитывал: "левой, левой!". Немецкая пехота повернула назад. За этот подвиг А. Кутепов был произведен в полковники и награжден Георгиевским оружием.

Гвардейцы выполнили приказ «Ни шагу назад» - самоотверженно и стойко защищали город и удержали сморгонские позиции.

Огнем артиллерии и контратакой немцы по всем направлениям были отбиты.

Ночью город осветился заревом пожаров. Повсюду были слышны стоны раненых - там немцы, тут русские. Их начали собирать в санитарные повозки, убитых хоронили в братских могилах.

Из-под обломков разрушенного сморгонского костела достали тела нескольких десятков солдат, пяти офицеров и трех генералов. На наблюдательный пункт дивизии, который размещался на колокольне, в разгар боя обрушился удар тяжелой германской артиллерии.

Командир бригады генерал Н.Михайлов, командир лейб-гвардии Петроградского полка генерал К.Кошкарев и командир лейб-гвардии инженерно-саперного батальона генерал В.Лапин погибли.

Утром над германскими окопами появился белый флаг. Немцы просили о перемирии на четырехкилометровом участке фронта у р. Вилии, чтобы собрать убитых и раненых.

Все смотрели на генерала А.Кузнецова, который принял командование дивизией - он стоял в окопе без фуражки, ветер шевелил его седую бороду. Перед ним было поле боя, заваленное телами русских и немецких солдат. Приказы требовали разговаривать с противником «только посредством пули и штыка». Но сотни своих раненых звали о помощи...

Генерал взял ответственность на себя. Предложение врага было принято (впоследствии этот факт переговоров стал предметом разбирательства в Сенатском суде. Генерал А. Кузнецов и участвовавший в переговорах с немцами командир I-го батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка полковник князь В. Недумов были отстранены от службы. Только в мае 1916-го они были оправданы и вернулись на фронт. В отношении командира роты, кавалера пяти орденов капитана З. Збитковского, который был парламентаром с русской стороны, ограничились строгим выговором).

Четыре резервных батальона дивизии, без оружия, и весь парк санитарных повозок собирали убитых и раненых до 6 часов вечера.

За время перемирия было захоронено 3800 павших русских солдат и офицеров. Немцам было передано 5500 убитых. Среди погибших было и 150 местных жителей.

В последующие дни ожесточенность боев не спадала.

1 октября немцы перешли в наступление на поселение Боровый Млын на северной окраине Сморгони и после ночного боя в 5 часов утра 2 октября заняли его, зайдя в тыл лейб-гвардии Литовскому полку.

Литовцы - 5 рот и 5 пулеметов - штыками пробились на юг и остановили противника.

Германская артиллерия, в том числе и тяжелая, днем и ночью вела огонь по русским окопам и городу, по дороге Сморгонь - Белая. Общероссийская газета «Боевые новости» писала в те дни: «В районе Сморгони на фронте юго-восточнее Вильны - повсеместные бои, достигающие зачастую большого напряжения».

Севернее, за р. Вилией, под ударами войск II-й армии немцы отошли на Дубатовку - оз. Вишнево.

Южнее, до 29 сентября, не стихали бои вдоль шоссе Сморгонь - Крево.

Кенигсбергская ландверная дивизия постоянно атаковала. 8-я Сибирская дивизия отошла на 3,5 км, потеряв в бою более 2000 человек.

Германская артиллерия срывала русские контратаки. Но немцы не выдержали ночного удара 2-й Финляндской и 7-й Сибирской дивизий. Фронт был восстановлен. Потери у сибиряков были велики. Так, 10-я рота потеряла убитыми и ранеными 109 бойцов из 119, а 11-я - 51 бойца из 60. «Пехота горела в боях, как солома в огне» - строки из донесения тех дней. Героически сражалась Сводная пешая пограничная дивизия генерал-майора Ф. Транковского, которая из резерва была выдвинута на помощь, и своими полками закрыла

брешь во фронте (ее называли «белые негры»). В некоторых пограничных сотнях не осталось ни одного офицера. Особо отличился 4-й Неманский пограничный полк генерал-майора В.Карпова. За бои под Сморгонью и Крево полк был награжден серебряными трубами и георгиевскими петлицами. Все командиры батальонов - ротмистр А.Белавин, подполковник В.Макасеев, штабс-капитан К.Желиховский и поручик Н.Жуковский, а также начальник команды пеших разведчиков штаб-ротмистр А.Муромцев стали Георгиевскими кавалерами.

Из газетного сообщения:

«В районе Сморгонь - Крево напряженность боев не ослабевает. Во многих местах они принимают затяжной характер. Наиболее успешны были для нас бои на западном берегу р. Спягицы, в районе Семенки - Нефёды, южнее озера Вишневецкого».

4 октября ночной атакой лейб-гвардии Литовский полк перешел в наступление на северной окраине Сморгони и занял окопы противника. Но немцы уже укрепили вторую линию, установив проволочное заграждение от двух до шести рядов. Атаки были прекращены. И русские, и немцы перешли к обороне.

В начале октября гвардейцы укрепляли сморгонские позиции. В 200-300 шагах от первой была отрыта вторая линия окопов. Их лабиринты с каждым днем увеличивались, а качество оборонительных сооружений совершенствовалось. Возводились искусственные препятствия - «ежи», надолбы, «волчьи ямы». Строились убежища от артиллерийского огня - блиндажи в 4-8 бревенчатых накатов.

Ходы сообщения тянулись в тыл на 3-5 км. Они были похожи на углубленные на три метра в землю пешеходные улицы шириной от трех до пяти метров, замаскированные сверху от германской авиации и аэростатов наблюдения.

В тылу сморгонских позиций, у д. Белая, была оборудована вторая оборонительная линия окопов и траншей.

Лейб-гвардии инженерно-саперный батальон навел мост через р. Вилию и начал работы на третьей оборонительной позиции у Засковичей. Силами армейского и фронтового командования строилась четвертая линия обороны у Молодечно и пятая - у местечка Красное. Сюда были привлечены армейские инженерные рабочие дружины и инженерно-строительные дружины Земгора** из расчета до 10000 рабочих и до 1000 подвод. В тылу сморгонских позиций - в Белой, Залесье, Засковичах - разворачивались дополнительные лечебные учреждения - перевязочные пункты, лазареты и госпитали. Пути следования легкораненых оборудовали питательно-врачебными пунктами.

Гвардейцы получали пополнение для восполнения потерь. А они были большие. Так, 1-я гвардейская пехотная дивизия из 10204 бойцов потеряла 3306, во 2-й гвардейской пехотной дивизии из 7388 осталось 4876. С 10 октября гвардейские полки начали передавать свои позиции частям 26-го армейского корпуса.

Последней от Сморгони должна была уходить 3-я гвардейская пехотная дивизия. Ее лейб-гвардии Кексгольмский и Литовский полки принимали пополнение, прибывшее эшелонами из Петрограда на ст. Залесье, в 10 км восточнее Сморгони.

Вдруг на бивак полков в д. Белая (у дороги на Молодечно до сих пор видны ямы от землянок на 250 человек) обрушились германские снаряды. Артиллерийский налет был недолгий, но точный.

«И в резерве за нами смерть гоняется», - говорили гвардейцы. Обстрел был не случайный. Посланная в ближайший лес разведка обнаружила в своем тылу группу немцев и в бою с ними захватила пленного. Там же нашли полевой телефон, по которому немцы корректировали огонь своей артиллерии. От пленного стало известно, что противник готовится применить против русских войск химические снаряды.

В полках дивизии средств защиты от газов не было. Запрос о помощи ушел в Ставку немедленно. Настроение в окопах было подавленное.

С рассветом 12 октября на позиции лейб-гвардии Петроградского и лейб-гвардии Волынского полков на западной окраине города обрушился шквал артиллерийского огня. Снаряды падали на землю, раздавался хлопок, и со свистом в воздух вырывались клубы зелено-желтого газа.

Слезы заливали глаза, перехватывало от удушья горло. Было страшно и жутко. Газы рассеялись, и из окопов стала видна германская пехота, идущая в атаку в противогазных масках, не пригибаясь, в полный рост.

От Белой подоспели резервные батальоны и, вместе с уцелевшими петроградцами и волынцами, гвардейцы поднялись в штыковую. Немцев отбросили, взяли пленных.

Пострадавших от удушья срочно отправили в тыл. Умерших хоронили в братских могилах.

Вскоре в дивизию поступили противохимические комплекты защиты Н. Зелинского (очки, марлевая маска, два флакона с жидкостью для смачивания).

22 октября ранним утром тихий ветер дул в направлении русских позиций. Передовые секреты увидели, как одна за другой на Сморгонь, медленно стелясь над землей, двигаются три волны серо-желтого газа, поднимаясь над землей в рост человека.

- Тревога! К оружию!

Солдаты выскакивали из блиндажей в окопы. Суета. Молодое пополнение растерялось - страх, слезы...

Взводные унтер-офицеры кричали: «Мамок здесь нет! Смачивайте маски, дышать спокойно, надеть очки! К бойницам! Без команды огня не открывать!»

Газовое облако все ближе. Ничего не видно. Через маску пробивался горьковатый запах, щекотало в горле. Нужно было еще смачивать. Хотелось сорвать маску...

Взводные кричали: «Смачивайте жидкостью! Если кончилась, тогда своей мочой!» Они бегали от солдата к солдату. Ругань.

- Слава Богу, все живые...

Врагу не удалось застать гвардейцев врасплох.

Вдруг ветер повернул на запад, в сторону германских окопов. Газовые волны рассеялись. Немецкая атака сорвалась.

Последующие трое суток было спокойно. Изредка вели огонь по противнику пулеметчики и стрелки из полученных винтовок с новыми, «снайперскими» оптическими прицелами.

26 октября 3-я гвардейская пехотная дивизия последней убыла под Вилейку в резерв Главнокомандующего.

Позиционная война

С октября 1915 года боевую службу на сморгонских позициях несла 64-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта А. Жданко.

Ее 253-й Перекопский, 254-й Николаевский и 256-й Елисаветградский пехотные полки занимали окопы от р. Вилии до Борового Млына на северной окраине Сморгони, затем по правому берегу р. Оксны до деревни Минки западнее города и на юг, к железной дороге в 300 шагах восточнее железнодорожной станции.

255-й пехотный Аккерманский полк находился в окопах второй линии у д. Клиденяты. 64-я артиллерийская бригада стояла на позициях у д. Белой.

Пулеметная команда 256-го пехотного Елисаветградского полка располагалась в кустарнике у оврага на южной окраине городе - 8 пулеметов «Максим», в каждом расчете 9 человек: командир - унтер-офицер, наводчик, помощник наводчика, дальномерщик-наблюдатель, подносчик патронов, разведчик, связной, ездовые пулеметной и патронной двуколки.

Немцы занимали окраину леса. Обе стороны усиленно окапывались, укрепляли оборону.

Елисаветградцы сменили на позициях у железной дороги лейб-гвардии Преображенский полк и с преображенцами познакомились поближе.

Гвардейцы были все как на подбор чуть ли не вдвое выше ростом, богатырского сложения, парни дюжие, все брюнеты или темные шатены...

Передавая позиции, предупреждали, как нужно себя вести, каково поведение врага, где ходы-выходы, где брать воду для питья...

У немцев появились меткие стрелки, которые «ловили» головы русских солдат не только над окопами, но даже в бойницах, и неосторожные падали на дно окопа с простреленными лбами. Пулеметчики выслеживали снайперов и снимали немцев короткими очередями.

Пулемет «Максим» был грозным оружием в умелых руках.

Маршал Советского Союза Р. Малиновский, бывший пулеметчик этого полка, вспоминал, что на учебной стрельбе он поразил с 200 метров одной лентой 36 головных мишеней.

Дивизия готовилась к наступлению, но атака на Солы сорвалась. Русская артиллерия из-за нехватки снарядов свою пехоту не поддержала. Сильный пулеметный и артиллерийский огонь немцев парализовал всякое движение.

Наступавшие полки стали усиленно окапываться, солдаты на открытых местах лежали, не шевелясь, чтобы не вызвать огонь на себя.

В рядах атакующих был и 17-летний ефрейтор Р. Малиновский. Шрапнелью он был ранен, потерял сознание. Только вечером товарищи смогли вынести его с поля боя на перевязочный пункт, а оттуда на носилках перенесли на станцию Залесье, где был передовой госпиталь. Там, прямо на багажной станционной стойке ему была сделана операция. А ночью подошедший санитарный поезд увез его в Москву.

Прорвать фронт у Сморгони не удалось.

Военная зима 1915-1916 годов выдалась как никогда ранняя, очень морозная и снежная - сугробы местами достигали роста человека. Относительное затишье на фронте нарушалось артиллерийскими дуэлями, полетами самолетов и дирижаблей, вылазками разведчиков.

4 февраля 1916 года три самолёта «Моран-Парасоль» 1-го корпусного авиаотряда, управляемые поручиком В. Витманом, сотником А. Зверевым и прапорщиком Э.Томсоном бомбили позиции противника севернее Сморгони, у Добровлян.

«Бомбы ложились хорошо, поднимая фонтаны огня и снега. Пехота и конные артиллерийские запряжки противника были приведены в полнейшее расстройство. Последние, испуганные шумом моторов, понеслись в разные стороны, переворачивая орудия и калеча попадавшихся на пути людей»

В марте, на станции Залесье, в 10 км восточнее Сморгони, Верховный Главнокомандующий, император Николай II (с ним был и цесаревич Алексей) поднимая боевой дух армии, провел полевой смотр частей в зоне боевых действий. Залесье периодически обстреливалось германской артиллерией, станцию бомбила немецкая авиация. Это позволило командующим фронтами дать согласие на награждение Николая II боевым орденом Святого Георгия. Оно состоялось на Пасху 1916 года. (Цесаревич Алексей был награжден Георгиевской медалью).

Войска с обеих сторон фронта продолжали укреплять занятые позиции - устанавливали дополнительные препятствия, закладывали фугасы. Русским саперам удалось заминировать проволочные заграждения по льду озера Вишнево, разделявшему немецкие и русские позиции.

В противоположность нормальному порядку вещей, в окопах работали ночью, а спали днем. С рассветом грели чай. Поднимались дымки и над немецкой линией. Солдаты говорили «Герман варит свою каву». Затем, за исключением часовых, дежурных взводов и дежурных пулеметчиков, все и с русской, и с немецкой стороны заваливались спать до 10-11 утра. Самое удобное время для внезапной атаки.

За противником наблюдали в перископы, которые часто простреливались или разбивались в щепки. Немецкие пули и снаряды несли смерть. Обычные потери на роту - 3-4 человека убитых и раненных в день.

У дороги за Сморгонью торчали на воинских кладбищах деревянные кресты. Некоторые совсем свежие, на других надписи уже было почти не разобрать.

18-29 марта 1916 года, в 20-ти километрах севернее Сморгони, у Вишнево и Нарочи, наступала II-я армия. Помогали союзникам, сражавшимся во Франции, у Вердена. На сморгонском участке, у деревень Черняты, Гориденяты и Дубатовка, дивизии X-й армии ежедневно «демонстративными действиями» - артобстрелами, пулемётной и ружейной стрельбой отвлекали на себя противника, обеспечивая главный удар. Немцы отбили русское наступление. Были большие потери.

А по пустым, мертвым улицам Сморгони мерно шагали патрули. Город был полностью разбит тяжелой немецкой артиллерией. От облаков ядовитых газов, уже не раз пронесившихся здесь, почернела штукатурка разрушенных зданий. Повсюду торчали остатки кирпичных стен и печные трубы. Кое-где были видны остатки мощеных улиц, между ними ходы сообщения, брустверы траншей и окопов, наблюдательные пункты и блиндажи.

Жители давно уже покинули «мертвый» город.

«Мир праху твоему, маленькая Сморгонь...»

Местность за городом была буквально напичкана воинскими частями и артиллерией всех калибров. Все тщательно укрыто и замаскировано от немецких наблюдателей с самолетов и привязных аэростатов.

Конюязи с лошадьми спрятаны в лесных чащах. Пехота сидела в глубоких узких окопах, огражденная кольями проволочных заграждений. Вся земля изрезана замаскированными ходами сообщения, извилистыми и ломанными.

Артиллерия притаилась на обратных скатах холмов, заставленная целым лесом срубленных елей.

На один километр - 105 орудий - несколько батарей полевых трехдюймовой, гаубичные дивизионы, тяжелые орудия и железнодорожные платформы с дальнобойными мортирами. Для них была специально построена 19-километровая ветка от станции Пруды до поста «648 верста» железной дороги Молодечно - Лида. Только два паровоза могли тянуть по холмистой местности шесть платформ с орудием 14-го и 98-го мортирных парков. Их наблюдатели в привязных аэростатах постоянно висели высоко в небе.

Ночью все вдруг преобразалось. На дорогах появлялись пехотные колонны, ехали кухни, обозные и санитарные повозки, передвигались артиллерийские батареи...

Восточнее, к Молодечно, были развернуты артиллерийские склады и ремонтные мастерские, полевые аэродромы и станции выгрузки, обозные батальоны, почтово-телеграфные отделения и полевые почтовые конторы.

Тысячи километров телефонных и телеграфных проводных линий связали сморгонские позиции со штабами корпусов, армий, со Ставкой Главнокомандующего в Могилеве, с Петроградом и Москвой.

В деревнях и местечках появились тыловые транспорты, войсковые аптеки и магазины, хлебопекарни и конюшни конского запаса. 90 резервных гуртов скота Минского Военного Округа обеспечивали фронтовиков мясом. Солдатский паек составлял тогда в день 3 фунта (фунт - 409 г) хлеба, 1 фунт мяса, 0,5 фунта сала, 18 золотников сахара (77 г), растительное и сливочное масло, крупы и овощи. Горячий чай и квас круглосуточно, горячая пища два раза в день. В дни религиозных праздников - куличи, пряники, конфеты.

К лету 1916-го у Сморгони были проложены сотни километров шоссейных и железных дорог - обычных и узкоколейных на паровозной и конной тяге, наведены мосты и паромные переправы через р. Вилию, уложены десятки километров гатей в болотах севернее города.

В войска поступало пополнение. Особое внимание было уделено его боевой подготовке. С этой целью во всех полках были созданы запасные батальоны. Для ведения позиционной войны в каждой дивизии были сформированы две сапёрные роты и специальная команда.

Боевой дух офицеров и солдат был высокий. X-я русская армия готовилась наступать.

Немецкие позиции по всему фронту были сильно укреплены. За Сморгонью они состояли из четырех полос, почти до Ошмян, на расстоянии между ними от 3 до 5 километров.

Каждая полоса включала в себя не менее трех линий окопов и траншей в 150-300 шагах одна от другой.

Все окопы полного профиля, выше роста человека. Тяжелые бетонные доты и блиндажи, «лисьи норы», гнезда для пулеметов связывала с тылом система многочисленных ходов сообщения. Окопы были сооружены с таким расчетом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрестным оружейным и пулеметным огнем восьми станковых и двенадцати ручных пулеметов каждого батальона. Железобетонные укрытия были устроены с комфортом - стены и потолки обиты досками, полы дощатые или глинобитные. В окна вставлены стекла. В комнатах нары и полки. Каждая укрепленная полоса немецких позиций была защищена проволочным ограждением из 15-20 рядов кольев.

В окопах - немецкий порядок: стенки аккуратно обшиты досками или плетеной лозой, на дне - дорожка из березовых чурок, в отдельных местах и стенки и дно траншей - из бетона, повсюду стрелки-указатели и надписи-обозначения.

У высоты 72,9 на северной окраине Сморгони, через проволоку заграждений немцы пропустили электроток, а впереди перед окопами, кроме обычной колючей проволоки, установили специальную сетку, чтобы отскакивали ручные гранаты и заложили фугасы.

Южнее, за железной дорогой, в лесу между второй и третьей укрепленными полосами, чуть отступая от опушки, немцы выстроили "дачный" офицерский поселок. Из березовых веток, крашенных досок и разрисованных листов фанеры были построены небольшие домики и коттеджи. Между постройками - усыпанные песком дорожки, маленькие лавочки и столики, клумбы для цветов. На увитых еловыми ветками воротах сделаны надписи - «Villa Berta», «Villa Maria»... Воспоминание о мирной жизни...

В апреле немцы вновь начали у Сморгони газовые атаки. Большие потери понесла 84-я пехотная дивизия 26-го армейского корпуса, почти полностью погибла 9-я рота прапорщика В. Абрамова из 334-го пехотного Ирбитского полка.

Штурм «Золотой горки».

Газовые атаки

4 июня 1916 г. Юго-Западный фронт генерала от кавалерии А.Брусилова начал в Галиции успешное наступление против австро-венгерской армии. Развивая этот успех вспомогательных действий, Западный фронт генерала от инфантерии А.Эверта должен был нанести главный удар на участке усиленной X-й армии у Сморгони - Крево.

Но, узнав о переброске сюда девяти дивизий противника, командующий не решился отдать приказ о наступлении.

Атаковать было решено на Барановичи. У Сморгони ограничились демонстративными действиями. Вот строки из газетных сообщений тех дней:

«В районе Сморгони и на участке к северу от Крево нами захвачены пленные и пулеметы».

«Наши летчики бомбили район местечка Солы. В налете участвовала эскадра из 6 аппаратов, сбросившая 48 бомб. Наши летчики и аппараты вернулись невредимыми, несмотря на неприятельский обстрел».

«Северо-восточнее Сморгони, в районе дер. Мартышки (сегодня - Березы), удачным ударом мы захватили ночью часть неприятельских позиций».

«В районе Крево ранен разрывной пулей в бедро полковой священник иеромонах Анатолий. У проволочных заграждений противника он выполнял свои пастырские обязанности около раненых и умирающих разведчиков, бывших в ночном усиленном поиске».

«К северу от Сморгони, в районе дер. Черняты наши части овладели участком неприятельских позиций».

В ответ немцы сами начали активные действия против русских войск.

У Сморгони местность между немецкими и русскими окопами сравнительно ровная и открытая. Пологая с запада на восток, она создавала выгодные условия для использования газов. 19 июня наблюдатели 19-й воздухоплавательной роты с привязного аэростата доложили, что видели немцев, которые переносили из грузовиков в окопы какие-то тяжелые предметы - не то снаряды, не то баллоны.

Вскоре после этого уже артиллерийские наблюдатели заметили, что при обстреле германских позиций после разрыва попавшего в окоп снаряда появилось облако бурого цвета, низко стелившееся по земле. Немецкие солдаты в панике бежали от этого места в тыл.

Эти наблюдения убедили русское командование в том, что немцы готовят газовую атаку.

Во всех полках солдатам и офицерам были выданы противогазы, перед окопами уложен хворост для костров и установлены сигналы на случай атаки.

2 июля в 3 часа 15 минут утра германская артиллерия открыла ураганный огонь по окопам первой и второй линии, по ходам сообщения, по артиллерийским позициям 64-й бригады и по всему тылу, в том числе и химическими снарядами.

Через несколько минут со стороны р. Гервятки, от станции Сморгонь и д. Лычники немцы выпустили первое облако газов синеватого цвета в направлении города. Газы вырывались из баллонов с сильным шипением. Как только было замечено облако, сигналисты заиграли на рожках условный сигнал, бойцы бросились к своим местам, надели маски и изготовились к бою.

Сквозь респираторы противогазов команды взводных звучали каким-то диким хрипом.

Костры впереди окопов не горели - дрова отсырели после дождя, - и газы вверх не поднимались.

Вслед за газовым облаком наступали цепи германской пехоты в масках. Немцы подошли вплотную к проволочным заграждениям и кричали «Рус капут!», держа в одной руке винтовку, а в другой - дубины, утыканные гвоздями для добивания отравленных.

Дружным пулеметным и оружейным огнем 254-го Николаевского и 253-го Перекопского пехотных полков атака была отбита. Немцы отступили в свои окопы. Их артиллерия усилила огонь.

Массированный обстрел. Снаряд за снарядом. Вокруг ад. Фонтаны черной и рыжей земли, вой осколков.

Немецкие снаряды разрывались, выпуская желтоватый дым с запахом хлора.

Батареи 64-й бригады вели ответный огонь. Артиллеристы в противогазах. Было тяжело дышать, пот заливал глаза. Один из канониров - вольноопределяющийся 1-го разряда В. Катаев - будущий известный писатель.

А на передовые окопы уже надвигалась вторая волна газов, более густая, высотой 6-8 метров, по фронту более четырех километров. За газовым облаком плыла дымовая завеса, из-за нее появились четыре линии цепей немецкой пехоты.

Русская шрапнель косила их ряды, ружейный огонь перебивался пулеметными очередями.

Волна за волной германская пехота, как на параде, шла вперед. Немцы валились, за ними шли новые. Опять валились. Опять вырастала новая стена. И никто из них до русских позиций не дошел.

Пулеметчики спасли положение, они срывали маски, мешающие вести прицельный огонь, и точно разили врага.

Немцы были отброшены. За 1,5 часа атаки газ проник на глубину 19 км и нанес большой урон войскам 26-го корпуса. Было отравлено 40 офицеров и 2076 солдат, из них в 254-м пехотном Николаевском полку - 1200 человек.

Окопы и ходы сообщения были завалены пострадавшими. Полковые санитары, врачи, фельдшера и медсестры 8-го санитарного транспорта со станции Залесье оказывали помощь.

411 солдат Николаевского полка умерли сразу. Телеги увозили почерневшие тела погибших, санитарные повозки были переполнены отравленными. Павших хоронили в братских могилах в деревнях Белая и Залесье.

Оказанием медицинской помощи и эвакуацией пораженных и раненных руководила уполномоченная, полковник графиня Александра Толстая - дочь Льва Толстого.

Лес и трава за Сморгонью на многие километры безжизненными пожелтевшими полосами тянулись почти до Молодечно.

В моральном отношении сморгонские позиции попали в число трудных для обороны. У солдат сложилась поговорка:

«Кто под Сморгонью не бывал, тот войны не видал».

3 июля, на следующий день после немецкой газовой атаки, в 7 часов утра 255-й Аккерманский и 258-й Кишиневский пехотные полки начали штурм высоты 72,9 на северной окраине Сморгони - в поддержку начавшегося наступления одиннадцати русских дивизий на Барановичи.

Среди солдат высоту 72,9 называли «Золотая горка» - уж очень много жизней она забрала. С осени 1915-го на ее склонах шли бои, немцы установили здесь свою артиллерийскую батарею, которая обстреливала весь ближний тыл русских позиций. Для немецких наблюдателей, засевших в бетонном доте на высоте, любое перемещение русских было как на ладони.

За месяц до штурма, под руководством офицеров 52-го саперного батальона была начата прокладка минной галереи от передовых русских окопов через нейтральную полосу под немецкими траншеями до германской батареи.

Живой солдатский конвейер в тысячу человек по ходам сообщения скрытно выносил мешки с землей в тыл на 400-500 шагов, где ее ссыпали и маскировали. Другой людской конвейер из ближайшего леса также скрытно по ходам сообщения подносил бревна для укрепления галереи.

По готовности под землю было заложено два вагона бризантной взрывчатки, доставленной со ст. Залесье. (Железная дорога до этой станции функционировала всю войну).

Артиллеристы на поле, выбранном для позиций прямой наводки, заранее ночью отрыли ямы и их замаскировали.

В день атаки с рассветом противник увидел напротив высоты свежесвыросший лесок - артиллерия поддержки пехоты была скрыта под срубленными и установленными в ямы деревьями.

Морские двухдюймовки расчеты моряков разместили прямо в окопах.

Штурмовые группы заняли окопы боевого охранения - у солдат и офицеров фуражки с ремешками под подбородок, на поясе - револьверы, тесаки в ножнах, гранаты, в руках - винтовки и ручные пулеметы. Шептали молитвы, молчали - обычное волнение перед атакой.

И вот - взрыв, грохот, землетрясение (гигантские воронки сохранились до сих пор). Огромное облако из земли и песка осело, и 412 орудий обрушили огонь на германские позиции. «В атаку!» 255-й пехотный Аккерманский полк с криком «Ура!» ворвался в первую линию немецких окопов. Было захвачено 98 пленных и четыре пулемета. Еще через час боя аккерманцы и подошедшие на помощь 258-й пехотный Кишинёвский полк заняли вторую немецкую линию и «Золотую горку», немцы отступили. Всю ночь шел бой. Аккерманский полк залег между второй и третьей линией германских окопов.

В наказание за газы пленных не брали. Перекололи всех.

В течение двух суток немцы контратаковали. Им удалось отрезать и окружить Кишиневский полк. Ночной штыковой атакой кишиневцы вырвались из окружения. Аккерманцам, у которых были большие потери, пришлось отойти в свои окопы.

Отличившиеся в бою штабс-капитан А. Худенко и подпоручик Д. Филонович были награждены орденами св. Георгия 4 степени. Один через левую, другой через правую воронку от взрыва «во главе партии разведчиков с криком «Ура» увлекая за собой людей, бросились вперед к немецким окопам, блиндажам и цементированным площадкам с пулеметами, где ручными гранатами и штыками выбили противника и взяли четыре пулемета, прожектор, телефонный аппарат и пленных». Подпоручик Д. Филонович «будучи ранен в грудь, выбыл из строя лишь тогда, когда передал командование своему заместителю взводному унтер-офицеру».

Этой же ночью из резерва Верховного Главнокомандования от Вилейки подошел лейб-гвардии Гренадерский полк в полном составе. До утра гвардейцы поправляли окопы и блиндажи, разбитые германской артиллерией. Они уже сражались на этих позициях осенью 1915 г., когда остановили врага у Сморгони и покрыли славой свое Боевое Знамя.

Немцы же, к утру перебросили к «Золотой горке» баллоны и рано утром пустили газ. Гренадеры без паники подготовились к бою, но немецкая пехота в атаку не пошла...

«Демонстративные действия» с обеих сторон продолжались, унося тысячи убитых, раненых и отравленных.

2 августа, в 1 час ночи немецкая атака началась от станции Сморгонь по обеим сторонам железной дороги. Сладкая, удушливая волна прямо в лицо. «Газы, маски! Зажечь костры!»

Хворост на бруствере окопов горел, освещая позиции. Солдаты и офицеры 16-го гренадерского Менгрельского полка лежали у костров. Здесь было легче. Огонь поднимал газы, и они проходили выше. Немцы шесть раз с промежутками времени более получаса выпускали из баллонов ядовитый дым. Его клубы медленно двигались на русские окопы, подгоняемые тихим ветром.

С рассветом начальник пулемётной команды подпоручик М. Зоценко, будущий известный писатель, увидел в бинокль в немецких траншеях солдат, выпускавших газ из баллонов. «Огонь!» Поднявшаяся в атаку германская пехота, не выходя за свои проволочные заграждения, быстро отступила. Рассвело и стало видно, что «многие гренадеры отравлены, лежали мертвыми. Другие стонали и не могли подняться». Был отравлен и М. Зоценко. Несмотря на боли в сердце и сильнейшие приступы кашля, он продолжал оставаться в строю. За мужество и отвагу, «проявленные в делах против неприятеля» в этом бою, он был удостоен ордена св. Станислава 2 степени с мечами.

В соседнем 14-м гренадерском Грузинском, коллективный подвиг совершили офицеры полка. Молодое пополнение растерялось несколько часов находясь в противогазах. Когда немцы полезли на штурм, началась неразбериха и паника. Тогда полковник А.Отхмерузи «так как голоса его не было слышно, презрев явную опасность, являя доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотверженности, снял маску, стал отдавать приказания, и открыв огонь, отбил наступление немцев, причём сам был отравлен ядовитыми газами и смертью своею запечатлел содеянный геройский подвиг» (Из представления к награждению полковника Акакия Отхмерузи орденом Св. Георгия IV степени посмертно). Его примеру последовали все офицеры в траншее. Паника улеглась, атаку отбили. Большинство солдат уцелело. Офицеры отравились и погибли.

Мужество и героизм стали нормой на сморгонских позициях.

22 августа южнее Сморгони, у Крево, немцы провели еще одну газовую атаку. Противник был отбит. От удушья погибли 116 русских солдат.

Еще в июле 1916-го части X-й русской армии получили на вооружение жидкий газ, и это средство ведения войны стало рассматриваться «возможным к применению для вывода из строя большого числа бойцов противника независимо от тактических действий войск».

В Сморгони убывшую на Румынский фронт 64-ю дивизию сменила 2-я пехотная генерал-лейтенанта В. Васильева. (5-й Калужский, 6-й Либавский, 7-й Ревельский и 8-й Эстляндский пехотные полки).

В начале августа началась подготовка к первой в войне газовой атаке со стороны русских войск. Для нее был выбран участок германской позиции на севере Сморгони, от р. Вилии до поселения Боровый Млын, протяженностью 2 км.

Немецкие окопы на этом участке имели вид исходящего почти прямого угла с вершиной у высоты 72,9 - «Золотой горки».

Для удобства управления выпуском газа фронт был разделен на четыре равномерных участка, где началась подготовка окопов.

В первой линии траншей было устроено 29 ниш для размещения баллонов, за второй линией подготовленного участка были оборудованы четыре блиндажа-склада для их хранения.

От каждого склада к первой линии был проведен широкий ход сообщения (следы тех земляных работ сохранились до сих пор).

В ночь с 3 на 4 сентября, в блиндажи-склады было перевезено 500 больших и 1700 малых баллонов - 32400 кг сжиженного газа из расчета 960 кг на каждый километр в минуту.

Участок выпуска в 1200 метров был выбран с таким расчетом, чтобы центр газовой волны пришелся против «Золотой горки» и залил наиболее выступающую часть немецких окопов. По сторонам газовой волны была предусмотрена постановка дымовой завесы.

Метеорологическая разведка на выбранном участке началась 5 августа, а 5 сентября в 12 часов дня при первых признаках благоприятного ветра начальник 5-й химической команды попросил разрешение на атаку.

В 16.45 такое разрешение из штаба X-й армии в Молодечно было получено, и химическая команда приступила к работам. Метеонаблюдения проводились каждый час, а с 2 часов ночи 6 сентября - каждые 15 минут.

В 22 часа солдаты 3-го батальона 5-го пехотного Калужского полка начали переноску баллонов со складов в передовые окопы. В 2 часа 20 минут баллоны были установлены в ниши. В 2 часа 50 минут было снято сторожевое охранение, а ходы сообщения к его окопам были заложены заранее подготовленными мешками с землей. В 3 часа 20 минут все солдаты и офицеры надели маски. В 3 часа 30 минут атака началась. Газ был выпущен одновременно по всему фронту выбранного участка, на флангах были зажжены дымовые шашки.

Газ, вырываясь из баллонов, поднимался сначала высоко вверх, затем, постепенно оседая, сплошной стеной от двух до трех метров высотой полз на окопы противника.

Через 3 минуты после начала атаки в немецком тылу были выпущены три красные ракеты, осветившие облако газа, уже надвинувшееся на передовые окопы.

Германская артиллерия открыла сильный огонь по русским позициям. В ответ русская артиллерия огнем химическими снарядами подавила все восемь батарей противника.

Внезапно разрывом двух немецких мин и снаряда была разбита ниша и полностью разрушены три баллона с газом, а три сильно повреждены.

Вырвавшееся ядовитое облако, не успевая расплытаться, обжигало находившихся вблизи русских солдат. Концентрация газа в окопе была столь велика, что марлевые повязки быстро высыхали, а в противогазах лопалась резина.

В экстренном порядке атака в 3 часа 45 минут была прервана.

Посланная разведка определила, что намеченный для атаки участок полностью поражен, в немецких окопах слышались стоны и крики. В ложине, северо-западнее высоты 72,9 остатки газового облака были видны до 6 часов утра.

За 15 минут атаки был выпущен газ из 65 больших и 977 малых баллонов, или 13 тонн, что дало около 1 тонны газа в минуту на 1 километр фронта.

В 4 часа 20 минут солдаты начали переносить баллоны в склады, и к 10 часам утра все имущество было убрано без помех со стороны немцев.

Атака была признана успешной, «она нанесла тот урон, который и следовало ожидать от выпущенного количества газа».

22 сентября немцы ответили своей газовой атакой южнее озера Нарочь против 2-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта С.Поспелова.

Две волны удушливых газов проникли далеко за линию фронта в район деревень Узла и Брусы, выведя из строя 2660 человек. Ожесточение воюющих сторон нарастало. В дальнейшем газовые атаки продолжались с обеих сторон до зимы. (При низких температурах газы были не эффективны).

Подвиг «Муромца» №16

Рано утром 25 сентября 1916 года с аэродрома у деревни Мясота, восточнее Молодечно, взлетели три воздушных корабля «Илья Муромец» и тринадцать самолетов «Моран-

Парасоль» для их прикрытия. Над аэродромом отряд построился и его командир - штабс-капитан И.Башко, уроженец Витебской губернии - на корабле «Киевский» лег курсом на цель - штаб 89-й германской дивизии, аэродром и склады, расположенные южнее Сморгони в районе Боруны-Антоново.

На середине пути командиру доложили, что «Муромец» №16 поручика Д. Мокшеева разворачивается назад. У него не работал крайний правый двигатель. Всего их было четыре, они обеспечивали дальность полета 540 км, грузоподъемность до 500 кг бомб и скорость 135 км/час.

При подлете к передовой немцы открыли по русским самолетам сильный артиллерийский заградительный огонь. Его не смог преодолеть экипаж «Муромца» №12, и самолет развернулся назад.

Остальная группа прорвалась через фронт, западнее Крево.

Сделали по два захода на цель. «Мораны» сбросили 78 бомб по автомобильному обозу, а все 15 пудовых бомб с «Киевского» попали в расположение штаба и артиллерийские склады, вызвав там сильный пожар. Когда отряд развернулся домой, в небе появились немецкие истребители.

В это время к цели стал приближаться корабль поручика Д. Мокшеева. Это был большой риск - бомбить в одиночку, но честь превыше всего. Корабль штабс-капитана И. Башко помочь не мог. Горючего было в обрез. Во время бомбометания с «Муромца» №16 в небе завязался воздушный бой. «Моран-Парасоль» № 770 рядового И. Янсона прикрывал свой бомбардировщик. Их атаковали два немецких «Альбатроса» и два «Фоккера».

У «Моран-Парасоля» заел пулемёт и он вышел из боя, загорелся «Илья Муромец». Пулеметным огнем его экипаж срезал три атакующих немецких истребителя, но бомбардировщик завалился на крыло, раздался взрыв и он рассыпался в воздухе.

На земле среди обломков немцы обнаружили четыре обгоревших тела русских авиаторов. Их с воинскими почестями, «согласно сброшенной на следующий день неприятельским лётчиком записке», похоронили на кладбище в Борунах как «неизвестных храбрых воинов» (могила сохранилась). Все члены экипажа - поручики Д. Мокшеев, М. Рахмин, Ф. Гаибов и О. Карпов - были посмертно награждены «за неустранимость и самоотверженность в неравном бою» орденами св. Георгия 4-й степени.

Это была единственная боевая потеря такого самолета в русской авиации за всю войну.

Командир III-го отряда Эскадры Воздушных Кораблей штабс-капитан И. Башко за разгром складов и германского штаба получил орден св. Анны 4-й степени с надписью «За

храбрость» и был произведен в капитаны. Авиаторы этого соединения стали одними из самых «награждаемых» в русской армии. «За воздушные разведки» герои погибшего «М-16-го»: помощник командира поручик Митрофан Рахмин был удостоен трёх боевых орденов, офицер-наблюдатель поручик Олег Карпов - четырёх, артиллерийский офицер поручик Фаррух-Ага-Мамед-Гаибов - пяти, командир корабля поручик Дмитрий Мокшеев - пяти: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

К ноябрю, учитывая трагический опыт с гибелью «Муромца» №16, под руководством авиаконструктора И. Сикорского, создателя этого бомбардировщика (будущего конструктора вертолетов в Америке) в полевых условиях «Илья Муромец»-«Киевский» был модернизирован.

Вертикальное хвостовое оперение самолета сделали двойным и разнесли по стабилизатору. В конце фюзеляжа оборудовали дополнительную пулеметную огневую точку.

Первым опробовал в бою хвостовую установку капитан И. Башко. 5 ноября в 9 часов утра воздушный корабль взлетел для бомбардировки германского аэродрома истребителей западнее Сморгони. Это был дерзкий вызов. После первых разрывов бомб в воздух поднялось пять немецких истребителей. И. Башко развернул самолет в направлении на свой аэродром, делая вид, что не желает встречи с противником. Истребители догоняли. Экипаж «Муромца» изготовился к бою - помощник командира поручик А. Фёдоров у хвостовой установки, артиллерийский офицер капитан В. Наумов и моторист Б. Буробин у окон слева и справа, стрелок старший унтер-офицер К. Соколов на верхней площадке.

Первый истребитель, сделав красивую горку, в пикировании со 100 метров открыл огонь. Тут же заговорили пулеметы воздушного корабля. «Фоккер» продолжал пикировать, проскочил мимо «Муромца» и врезался в землю. Немедленно в атаку бросился второй, но встреченный пулеметными очередями, качнулся и кругами пошел вниз. Третий «Фоккер» долго выбирал момент начала атаки, наконец, решился, но тут же был сбит тремя пулеметами. Остальные не рискнули приближаться к русскому кораблю и благоразумно повернули назад. После этого боя еще не раз «воздушные корабли Сикорского» пролетали над Сморгонью и всегда без потерь возвращались назад.

1917-й. Подготовка к наступлению

Зимой 1916-1917 года на сморгонских позициях продолжалась обычная боевая служба. В полках получали пополнение, в ближнем тылу проводили занятия, по два часа в день, а также состязания по бегу, силе, прыжкам, борьбе, смотрю оружия, сапог, белья, шинелей и ранцев.

Теплой одежды было в достатке, но сапог уже не хватало.

Выдавали английские ботинки с обмотками. В д. Белой работала солдатская лавка - продавали галеты, мыло, спички, конфеты, махорку...

Ухудшилось питание - вместо трех фунтов хлеба в день перешли на два, мяса вместо фунта в день давали 3/4 фунта, сала - фунт в неделю, 50% сливочного масла заменяли растительным, сахара стали давать 12 золотников (51 г), 6 золотников заменяли конфетами. Вскоре и вовсе пришлось ввести два постных дня в неделю - среда и пятница, когда в котел клали вместо мяса рыбу - кету, кефаль, но чаще всего селедку.

Гречневую кашу часто заменяли чечевицей. Росло недовольство, все устали от войны.

Часто в окопах звучала песня:

«Над ракитой зелёной

Русский голову склонил

Ох, не сам её склонил,

А герман саблю срубил.

Ох, ты ворон, чёрный ворон,

Что летает над долиной,

Ты лети в родную сторонку

И скажи моей невесте,

Я женился на другой.

Я женился, а венчался в

Чистом поле под кустом.

А там свахой была сабля,

Угощала словно мать,

А невеста была пуля,

Прямо в грудь мою впиалась.

Командование Западного фронта, выполняя установленный план действий на 1917 год, готовило весеннее наступление.

Для главного удара был выбран участок Сморгонь - Крево с тем, чтобы, прорвав здесь германскую оборону, решительной атакой выйти к Вильно. Немецкие позиции здесь были сильно укреплены и искусно размещены на местности.

Первая линия траншей проходила по холмам и имела изломанное очертание. В тридцати шагах за окопами находились бетонные огневые точки и блиндажи, соединенные общим ходом сообщения. Перед первой линией траншей было установлено пять полос проволочных заграждений по шесть рядов кольев в каждой. За первой укрепленной полосой, в 3-5 км была оборудована вторая, также прикрытая проволочными заграждениями линия, окопов. В глубине немецкой обороны была третья и четвертая, резервная укрепленная позиция.

С русской стороны фронта постоянно велось наблюдение за противником, проводилась аэрофотосъемка и пристрелка артиллерии с помощью аэростатов и аэропланов.

Одиннадцать авиаотрядов, 61 самолет, успешно вели разведку. Позиции противника на участке прорыва фотографировались еженедельно с высоты 1500-2000 метров.

Разведчики часто подвергались нападению со стороны истребителей противника.

Немецкий ас на выкрашенном полностью в черный цвет «Фоккере» за короткое время сбил два русских змейковых аэростата и самолет. Летчики погибли, а воздухоплаватель поручик С. Воронцов спасся, воспользовавшись парашютом.

Немец заходил со стороны солнца и, пролетая над аэростатом, обливал его специальной жидкостью, от которой оболочка мгновенно вспыхивала. Этого «Фоккера» сбил замечательный воздушный стрелок летчик-наблюдатель подпоручик И. Филин (Подпрапорщик М. Изегов и летнаб подпоручик И. Филин погибли 17 июня в воздушном бою у д. Кунава в пяти километрах южнее Сморгони). Русские летчики смело вступали в воздушные схватки с противником.

Из сообщения Ставки:

«18 февраля в районе Сморгони прапорщик Томсон выдержал бой с двумя немецкими аппаратами и заставил обоих удалиться в свое расположение».

«3 марта прапорщик Томсон на самолете «Ньюпор-ХI» и прапорщик Розенфельд на истребителе того же типа сбили германский самолет, который упал в распоряжение русских войск около фольварка Залесье».

В начале марта, во время подготовки к предстоящим боям, в войска пришло сообщение об отречении от престола императора и Верховного Главнокомандующего Николая II. Ожидали больших перемен. Но на позициях ничего не менялось - перестрелки, артобстрелы. Топили землянки, варили пищу, заготавливали дрова, несли дежурство.

Приказом № 1 в частях были выбраны солдатские комитеты, назначены правительственные комиссары, а утверждённая приказом № 8 «Декларация прав военнослужащих» разрешила политическую деятельность в армии.

В резерве, у деревень Белой и Залесья, почти ежедневно шли митинги и собрания. Звучали призывы, как «к войне до победного конца», так и «к немедленному миру без аннексий и контрибуций».

Солдатские комитеты принимали одну резолюцию за другой - от отношения к войне до решения хозяйственных вопросов.

Русская армия фактически раскололась - одна её часть требовала забыть об оккупированных противником 12-ти губерниях страны и закончить войну, другая, которая постоянно уменьшалась - собиралась воевать до Победы.

В конце апреля сморгонские позиции приняла 174-я пехотная дивизия генерал-майора князя Г. Цулукидзе из III-й армии. Шестнадцать пехотных и две кавалерийские дивизии усиленной X-й армии, около 900 орудий разных калибров с 13-дневной нормой снарядов собирались в кулак против немцев. По ночам войсковые колонны уходили южнее Сморгони, за железную дорогу. В каждом перелеске - батареи, войска. Яблоку негде было упасть.

Ближе к лету боевая обстановка осложнилась. В воздухе появилось много как немецких, так и русских самолетов. С шумом пролетали «Ильи Муромцы», окруженные «Фарманами». Юркие «Ньюпорты» вели бескомпромиссные воздушные схватки с германскими «Альбатросами» и «Фоккерами».

Из сводки боевых действий:

«28 июня 1917 года летчик 9 корпусного отряда су-лейтенант французской службы Федоров атаковал в районе Сморгонь - Крево немецкий самолет и прогнал его. Потом

атаковал другого противника и победил его. Противник с большим снижением быстро полетел к своим окопам.

Утром 31 июня в районе ст. Залесье Федоров заметил два неприятельских самолета и атаковал их, обстреляв сначала одного, затем другого. Одна из германских машин получила повреждения и пикированием ушла за линию фронта. Второй противник тоже ретировался.

Лётчик Гренадёрского авиаотряда прапорщик Владимир Каминский сжёг тремя ракетами Ле-Приера германский привязной аэростат» (противоаэростатные неуправляемые пороховые ракеты с фугасным зарядом французского инженера Ле-Приера).

Участились немецкие арналеты. Враг был обеспокоен.

В июне под Сморгонь приезжал Военный и Морской министр Временного правительства А. Керенский. Выступал на митингах перед солдатами в деревнях Белая, Залесье и Сивица. Призывал к наступлению.

К Сморгони подходили новые части. Повсюду обозы со снарядами и патронами. На больших дорогах полное столпотворение, автомобили застревали в разбитой колее. И только первые гусеничные тракторы победоносно тянули через болота и топи поезда тележек, груженных войсковым добром. Так снабжались механизированные батареи крупного калибра - новинка на русском фронте, - пришедшие через Мурманск и Владивосток с заводов Америки и Англии. На проселках, у околиц, стояли казачьи пикеты с легкими, привьюченными к седлу пулеметами.

Ночью по бездорожью подвозили бревна, выкладывали блиндажи. Сильно укрепленные наблюдательные пункты заняли все пригорки, откуда были видны немецкие позиции.

Телефонные провода старательно зарывали в землю, сворачивая в жгуты и опуская в узкий, в одну лопату, но глубокий ров.

Верховное командование русской армии согласилось с предложениями по созданию воинских частей из добровольцев. У Сморгони в полках и дивизиях, готовящихся к наступлению, формировались добровольческие штурмовые роты и батальоны.

На участок 1-го Сибирского корпуса прибыл женский «батальон смерти» прапорщика Марии Бочкаревой и разместился в фольварке Касимов. С его помощью рассчитывали поднять дух наступающих частей. Все женщины коротко острижены, на плечах - белые погоны с красно-чёрной лентой, такой же красно-чёрный шеврон ударных частей на правом рукаве - символ революции и смерти.

Боевое Знамя батальону было вручено генералом Л. Корниловым в присутствии А. Керенского в Исакиевском соборе Петрограда. Батальону передали и фронтовой подарок - серебряные иконы от солдат I-й и III-й армии с изображением Божьей Матери и Георгия Победоносца. 300 женщин-добровольцев поклялись отдать жизнь за Родину.

У Сморгони звучала песня:

Со всех сторон России

Пришли мы воевать,

Поднялись мы стихийно

За право умирать.

Нам нет домой возврата -

Отвергла нас семья.

Мы женщины - солдаты,

Пусть примет нас земля.

Мы братьям будем сменой -

Не побеждён ведь враг.

Мы не хотим измены,

Стоим за свой очаг!

Мы отреклись от жизни,

У нас одна мечта:

Служить своей Отчизне

И победить врага.

Нам нет домой возврата,

Мы - за России честь,

Мы - женщины-солдаты,

И нам награда - смерть!

Формирование женских отрядов шло по всей стране, в том числе в Москве и Минске.

На фронте было тихо. По ночам иногда строчили пулеметы. Ходили в разведку «охотники»-добровольцы. Саперы рыли проходы, которые должны были приблизить наступающих к германским окопам.

Дальнобойные мортиры переехали по железнодорожной ветке к деревне Дохны и приготовились к стрельбе. Ударные штурмовые батальоны заняли вынесенные вперед укрепления. Наступало раннее утро 19 июля 1917-го...

Наступление. Перемирие.

В 5 часов утра солдаты и офицеры 695-го пехотного Новогрудского полка со сморгонских позиций услышали грохот сотен орудий невиданной по мощи и силе артиллерийской подготовки.

Южнее, до горизонта, сверкали орудийные вспышки, а в немецких траншеях рвались снаряды. Никто раньше не видел такого артиллерийского боя. Как барабанная дробь, усиленная в тысячу раз, били легкие батареи. Ревели гаубицы - было слышно эхо от выстрелов гигантских орудий. Трудно было разговаривать, в ушах стоял гул. В воздухе висели аэростаты наблюдения, над ними проносились самолеты, с которых по радио корректировался огонь артиллерии.

В д. Белой, на командном пункте 28-го артиллерийского дивизиона данные авиации передавал артиллеристам расчет радиостанции из 25-го корпусного авиаотряда 20-летнего ефрейтора С. Красовского, уроженца Могилёвщины - будущего Маршала авиации.

Только к вечеру стали отвечать немецкие орудия. С утра - вновь ураганный огонь русской артиллерии, и на следующий день - до позднего вечера.

Руководил всей операцией с наблюдательного пункта 38-го армейского корпуса генерал-лейтенанта И. Добвор-Мусницкого командующий Западным фронтом генерал-лейтенант А. Деникин.

К концу третьего дня артиллерийской подготовки немецкие позиции представляли полосу сплошного разрушения. Проволочные заграждения имели многочисленные проходы, местами были сметены полностью. Почти все окопы первой линии уничтожены, ходы сообщения

завалены. Пулеметные гнезда и блиндажи разбиты, входы и амбразуры бетонных сооружений завалены землей и обломками бревен.

22 июля после двухчасового артиллерийского обстрела в 7 часов утра стали слышны крики «Ура!» Ровную строчку вели пулеметы в шумной трескотне ружейных залпов. Это атаковала пехота.

Через 15 минут дивизии 1-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Е. Искрицкого заняли первую линию траншей. Почти без потерь под прикрытием артиллерии вскоре были захвачены сначала восточная, а затем и западная опушки Новоспасского леса в десяти километрах южнее Сморгони. Были прорваны три линии неприятельских укреплений, впереди оставались лишь отдельные оборонительные узлы. Немецкая артиллерия была подавлена, в плен было взято 1400 солдат и офицеров противника, много пулемётов и несколько артиллерийских батарей.

Через 20 минут после начала атаки войска 38-го армейского корпуса захватили костел и кладбище в Крево. Овладев кревскими укреплениями 175-я пехотная дивизия генерал-майора В. Смирнова дошла до Попелевичского леса и заняла д. Томасовка. Впереди была третья немецкая оборонительная линия. Но «тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперёд. Судьба их неизвестна - они не вернулись. Мир праху храбрых!» (из боевого донесения).

В 20-м армейском корпусе 51-я пехотная дивизия генерал-майора М. Гржибовского под артиллерийским и ружейным огнем немцев взяла позиции противника у д. Сутьково. Её 202-й Горийский и 204-й Аргадано-Михайловский пехотные полки, а также две роты 203-го Сухумского и штурмовая рота 201-го Потийского пехотных полков «быстрым натиском прорвались через две линии вражеских окопов, перекололи штыками их защитников» и уже через 25 минут стали штурмовать третью линию. Прорыв был настолько стремительный и неожиданный, что противник не успел своевременно открыть заградительный огонь.

Хотя от немецких окопов мало что осталось, солдаты, не привыкшие к боям и грохоту орудий после нескольких месяцев затишья, бездеятельности и митингов, толпами покидали окопы, бросали пулемёты и уходили в тыл.

К вечеру говорили о том, что сибиряки захватили Новоспасский лес и прорвались до третьей немецкой линии, что женщины-ударницы «батальона смерти» смело пошли в атаку и в бою с ними были 75 офицеров и 300 солдат во главе с командиром 525-го пехотного Кюрюк-Даринского полка подполковником А.Ивановым. Когда немцы начали минометный обстрел, женщины растерялись и с потерями отошли назад - 30 из них было убито и 70 ранено.

Несмотря на высокий патриотический порыв и желание, не щадя своей жизни, защитить Родину от врага, участие в боевых действиях женского подразделения в тех условиях не могло спасти ситуацию на фронте.

Русская артиллерия до наступления темноты вела интенсивную стрельбу по всему фронту. К ночи в руках у русских остался Новоспасский лес занятый 1-м Сибирским корпусом. На других участках немцы вернулись в свои траншеи и спокойно, под сеткой мелкого тёплого дождя, восстанавливали боевую линию.

23 июля артиллерийская подготовка не проводилась, атаки были прекращены. Две кавалерийские дивизии, предназначенные для развития успеха, так и не понадобились.

Несмотря на блестящую подготовку, значительное превосходство в количестве войск и артиллерийских средствах - 184 русских батальона против 29 немецких, 900 орудий против 300 немецких, 138 русских батальонов первой линии против перволинейных 17 немецких, операция успеха не имела.

На опушке Новоспасского леса, на русском воинском кладбище, где покоятся павшие воины 1-го Сибирского корпуса, сохранился камень на могиле Георгиевского кавалера, штабс-капитана Андрея Павловича Лагунова. Будучи офицером артиллерии он добровольцем пошел в штурмовую роту 6-го Сибирского полка и "увлекая за собой солдат даже соседних частей первым ворвался в окопы противника. Несмотря на двукратное ранение, захватил с горстью храбрецов 4-х орудийную батарею, открыл из нее огонь по тылу противника, стреляя сам из одного орудия и, продолжая свое святое дело, пал сраженный неприятельским снарядом, запечатлев своею смертью свой доблестный подвиг".

Полки на передовой тянули лямку службы - немцы были рядом. Шла вялая перестрелка. Иногда «братались» - немецкие и русские солдаты выходили из окопов, встречались на нейтральной полосе. Война надоела всем. Но германские солдаты нигде не выходили из повиновения офицерам. Они «братались» только там, где им разрешали, и делали это под надзором своих командиров. В русские окопы немецкие офицеры и унтер-офицеры приходили с фотоаппаратами, снимали что хотели и где хотели и так, чтобы на снимках «вышли укрепления, пулемётные гнёзда и ходы сообщения».

В тылу продолжались митинги и собрания. Дисциплина стремительно падала, все шло к полной анархии.

Идея демократизации воюющей армии оказалась нереальной, войсковые командиры, солдатские комитеты и комиссары Временного правительства не могли остановить массовое дезертирство и оставление позиций без приказа.

В конце августа 693-й пехотный Слуцкий полк, который стоял в резерве у д. Белой, отказался выходить на сморгонские позиции и менять 695-й пехотный Новогрудский полк. Все закончилось артиллерийской стрельбой по не подчинившимся, полк разоружили и расформировали.

Солдатский комитет 16-го гренадерского Менгрельского полка отказал в доверии своему командиру. Из штаба X-й армии прибыл и принял полк полковник Б.М. Шапошников - будущий Маршал Советского Союза.

Из сводок тех дней со сморгонского участка фронта:

«2 октября на станции Залесье избит до смерти командир запасного батальона 132 дивизии подполковник Макаревич».

«14 октября три разведчика Лебедянского полка... сняв погоны, сходили к немцам, взяли газеты и вернулись обратно».

«21 октября два солдата 41 Сибирского полка... перебежали к противнику, были допрошены немцами, и через три часа вернулись пьяные, с водкой».

«30 октября солдаты Купянского полка... выходили из окопов и принимали у немцев газеты».

Генерал А. Драгомиров писал: "Преобладающим в армии является стремление к миру. Любой, кто пообещает мир, получит в свои руки армию".

8 ноября в окопах узнали, что власть в Петрограде перешла к Советам, о Декретах о мире и земле.

По распоряжению из Петрограда женский «батальон смерти» Марии Бочкаревой, находившийся на позициях у д. Белой, был расформирован, и женщины уволены с военной службы.

30 ноября Военно-революционный комитет X-й армии приказал продолжать нести боевую службу, но огня по немцам не открывать - должны были начаться переговоры о перемирии.

1 декабря жуткую картину увидели члены делегации Западного фронта, которые по ходам сообщения шли на передовую. Единственное, что уцелело в Сморгони - это выложенные булыжником мостовые. От домов мало что осталось. У костела, стоявшего на восточной окраине, держались две-три стены.

4 декабря в местечке Солы представителями II-й, III-й и X-й армий (руководитель делегации - рядовой 322-го пехотного Солигалицкого полка 81-й пехотной дивизии С. Щукин, член Военно-революционного комитета Западного фронта, большевик) перемирие было подписано.

Боевые действия на всем протяжении фронта - от Видзы до Припяти приостанавливались на два месяца с 5 декабря. (Общее перемирие будет подписано в Брест-Литовске 15 декабря).

Сражение у Сморгони закончилось, пушки перестали стрелять. Упоминания о ней ушли из боевых сводок. Но боевая служба продолжалась.

В декабре по «Декрету о выборном начале и об организации власти в армии» выбрали командиров. В Кавказской гренадерской начальником дивизии избрали командира 16-го гренадерского Менгрельского полка Б.М. Шапошникова.

Но дисциплина ухудшалась, снабжение почти полностью нарушилось, дезертирство продолжалось. И солдаты, и офицеры уходили домой, чаще всего, просто не возвращались из отпусков. Окопы пустели с каждым днем.

18 февраля 1918 года в 12 часов дня, когда истек срок заключенного двухмесячного перемирия, германские войска по всему фронту перешли в наступление. Сопротивление оставшихся русских частей было сломлено.

Взяв Сморгонь, немцы пошли на Минск-Москву...

Погибших в тот день, но не бросивших фронт русских солдат и офицеров похоронили вернувшиеся в город жители уже спустя несколько месяцев.

Сморгонь была единственным городом на фронте от Балтийского до Черного моря, который так долго и упорно - 810 дней - защищала русская армия в Первую мировую войну.

В годы Великой Отечественной войны многие участники тех боёв стали генералами и Маршалами, вновь пошли офицерами и солдатами в 1941-м на священную войну с ненавистным врагом, и вместе с сыновьями победили немцев и взяли Берлин в 1945-м!

Все даты по новому стилю.

· лейб-гвардия - наименование привилегированных гвардейских частей в русской армии.

· Земгор - объединенный комитет Земского и Городского Союзов, созданный в июле 1915 года для оказания помощи русской армии.

Библиография

1. Атлас офицера. М., Военно-географическое управление, 1984.
2. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. М., Воениздат, 1962.
3. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., Воениздат, 1983.
4. Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1983.
5. Военный энциклопедический словарь. М., Воениздат, 1983.
6. Гальперин Ю. М. Воздушный казак Вердена. М., Молодая гвардия, 1981.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1987.
8. Дюпюи Р. Т. Всемирная история войн. Кн3. Полигон, 2000.
9. Зайончковский А.М. Первая мировая война. М., 2000.
10. Залесский К. А. Первая мировая война. Правители и военачальники. М., Вече, 2000.
11. Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., Астрель, 2003.
12. Зоценко М. М. Окопные новеллы. Во Славу Родины. 11.10.2000.
13. Катаев В. П. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1, 7. М., Худ. литература, 1984.
14. Красовский С. А. Жизнь в авиации. М., Воениздат, 1960.
15. Лебеденко А. А. Тяжелый дивизион. Л., Худ. литература, 1972.
16. Малиновский Р. Я. Солдаты России. М., Воениздат, 1978.
17. Нива №25. Из мертвого города. 1916.
18. Операции 1915 года. Б. Миллер и сын, 1932.
19. Родина №9 - 1993, №9 - 2004.
20. Советский энциклопедический словарь. М., Сов. энциклопедия, 1987.

21. Толстая А. Л. Дочь. М., Книга и бизнес, 1992.
22. Уткин А. И. Первая мировая война. М., Алгоритм, 2002.
23. Фонды Российского Государственного военно-исторического архива. М., Росспэн, 2001.
24. Черкашин Н. Е. Гренадер печального образа. Сов. Белоруссия, 28.08.2003.
25. Шамбаров В. Е. За веру, царя и Отечество. М., Алгоритм, 2003.

Интерактивные материалы и рукописи

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты.
<http://stepanov.narod.ru/library/denikin/chapt...>
2. Керсновский А. А. История Русской армии.
<http://militera.lib.ru/h/kerznovsky1/15.html>
3. Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905-1917 -
<http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov/>
4. Паустовский К. Г. Повесть о жизни - <http://orel.rsl.ru/uexttext/russian/paustovsky/>
5. Первая газобаллонная атака со стороны русских войск в районе Сморгони 5-6 сентября 1916 г. - <http://ww1.iatp.org.ua/himiaSmorgon.htm>
6. Свечин А. А. Искусство вождения полка - <http://militera.lib.ru/h/svechin3a/10.html>
7. Финне К. Н. Русские воздушные богатыри И. И. Сикорского -
www.airforce.ru/history/finne/index.htm
8. Калинин С. А. Материалы. Москва.
9. Коптюг Н. В. Материалы и рукописи. Вильнюс.
10. Маркова Н. Е. Материалы и рукописи. Сморгонский историко-краеведческий музей.
11. Ошмяны. Материалы историко-краеведческого музея.
12. Савук А. Материалы. Лида.

13. Цитович Б. Б. Материалы. Музей Первой мировой войны в д. Забродье Вилейского района Минской области.

Об авторе

Лигута Владимир Николаевич, 1951 г. р., профессиональный военный. С 1977 по 2001 годы проходил службу в Сморгонском гарнизоне. Полковник запаса. Руководитель «Военно-исторического центра» - культурно-просветительского учреждения. Живет в г. Сморгони Гродненской области.

В книге на основе материалов сморгонского историко-краеведческого музея, документов РГВИА (Москва) и других источников рассказывается о малоизвестном событии Первой мировой войны - сражении за Сморгонь в 1915-1917 годах.